

КОНФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С. В. Снапковская

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

E-mail: ssvet88@inbox.ru

В статье анализируется влияние конфессионального фактора на развитие просвещения в белорусских губерниях Российской империи. На историко-педагогическом материале Беларуси второй половины XIX–начала XX вв. рассматривается специфика образования в условиях столкновения польско-католической и восточно-византийской православной традиций. Актуализируется проблема сохранения отечественной традиции воспитания в сложной социально-политической ситуации.

Ключевые слова: конфессиональный фактор, белорусская культура, православие, католицизм, религия.

Проблема воздействия на белорусскую культуру как восточно-православного, так и западно-католического влияний в историко-педагогической литературе затрагивается лишь в самой общей форме. Между тем конфессиональная история Беларуси обозначенного периода отразила противоречия, характерные не только для состояния образования и культуры, но и для развития белорусского общества пореформенного периода в целом. Поэтому, по меткому и справедливому замечанию академика С.Ф. Егорова, «...углубленное многоаспектное изучение данных проблем образования может положить начало новому направлению историко-педагогических исследований, где педагогическая проблематика рассматривается в разносторонних связях с гуманитарной культурой, с идеологией и политикой того времени.. Вопрос этот должен рассматриваться в контексте противостояния двух ветвей христианства – православия, с одной стороны, и католицизма, с другой» [6, с. 5].

Религиозная пестрота населения Беларуси, напряженные отношения между представителями разных конфессий создавали властям возможность использовать ситуацию в своих целях. Противоречия между православной и католической конфессиями в указанный период то затухали, то разгорались с новой силой. В условиях переориентации образования Беларуси с западноевропейской, католической модели на российскую, восточно-православную на протяжении XIX века конфессиональный фактор сыграл определяющую роль.

Российское правительство сконцентрировало внимание на этой проблеме уже в начале 60-х гг. XIX в. Западный комитет, образованный Александром II 20 сентября 1862 г., ведавший проведением русификации в западных

губерніях, уключіў у свой склад высшых дзяржаўных асоб: кн. П.П. Гагарін (прэзідэнт), міністры – унутранніх спраў П.А. Валуев, замежных спраў А.М. Горчакаў, народнага асветлення А.В. Головін, юстыцыі Д.Н. Земятнін, ваенны Д.А. Мільцін, фінансаў М.Х. Рэйтэрн, гасимуществ А.А. Зеленой, обер-прокурор Сінода А.П. Ахматов. На сваім пасяджэнні Заходні камітэт рэкамендаваў міністру народнага асветлення А.В. Головіну стварыць спецыяльныя правілы для арганізацыі сельскіх школ яго ведамства ў Заходніх губерніях з мэтай магчыма большага ўдзелу праваслаўнага духавенства ў «амацаванні рускага элемента» ў Заходнім краі. 23 сакавіка 1863 г. цар уцвердзіў «Временныя правілы для народных школ у северо-заходніх губерніях», дзе прадусматрлівалася стварэнне ў губерньскіх гарадах асобых дырэкцый, а пры іх – вучылішніх саветаў з прадстаўніцтваў зацікаўленых ведамстваў. Прэподаванне ў народных школах павінна было вестіся толькі на рускай мове.

У 60-ыя гады XIX в. урад і Свяцейшы Сінод узялі курс на ўсталяванне рускага духоўна-культурнага дамінавання ў Беларусі і выцесненне «польскості» і каталіцтва. Вялікая роля ў палітыка-ідэалагічнай рабоце з моладззю і дарослым пакаленнем беларусаў адводзілася праваслаўнай рэлігіі і царквы. У аснову выхавання і асветлення ў школе было пакладзена праваслаўе, з чым непасрэдна звязана другі больш важны прынцып тагдышняй афіцыйнай ідэалогіі ў Северо-Заходнім краі – прынцып рускай народнасці.

Закон Божы становіўся асновам прадмета царкоўна-прыходскіх школ. Беларускі гісторык, акадэмік і педагог В.М. Ігнатавскі пісаў, што ў пачатковай школе Беларусі канца XIX в., як і ў Сярэднявекі ў Заходняй Еўропе, усе другія навукі былі пастаўлены ў служэбную залежнасць ад веры [7, с. 148]. Свяшчэннікі ажыццяўлялі назіранне за палітычнай лояльнасцю настаўнікаў.

Сутнасць дзяржаўна-палітычных адносін Расійскага дзяржаўства да рымска-каталіцкай канфесіі была сфармулявана ў пасланні обер-прокурора Свяцейшага Сінода К.П. Победоносцава да Ніколаю II ад 21 сакавіка 1899 г., ў якім ён прапанаваў не заключаць новай канкордацый з Ватыканам. К.П. Победоносцаў пісаў: «Адносіны рускага дзяржаўства да рымскаму каталіцтву сапраўды асаблівыя, таму што маса каталікаў у нас полякі і таму яшчэ, што ў Літве і Северо-Заходнім краі маса рускага народа складае прадмет гістарычнай, дагэтуля длячайся цяжкасці між Расіяй і Польшай. Усе тайныя намаганні каталіцкай Польшы абаўлены да таго, каб гэтая маса стала каталіцкай і, стала быць, польскай. Гэта пытанне жыцця і смерці між імі і намі: быць ці не быць Расіі» [8, с. 299].

Аднак пазіцыі Рускай праваслаўнай царквы (далей – РПЦ) ў справе асветлення беларускага насельніцтва, нягледзячы на дзяржаўную падтрымку, зацвердзіліся не адразу. Пасля 1864 г. ў цячэнне 20-гадовага перыода

количество церковных школ в Беларуси уменьшилось. В начале 80-х годов они сохранили прочные позиции только в пределах Могилевской епархии – 898 школ, в то время когда в Минской епархии их оставалось 184, Полоцкой – 20, Литовской – только 14 школ [4, с. 81–82]. Это объяснялось открытием народных училищ вместо церковных школ [1, с. 244].

Между тем министерские училища, как подчеркивает исследователь В.В. Григорьева, не смогли в полной мере способствовать русификаторской политике. Недостаточно было придать учебно-воспитательному процессу нужное содержание путем введения соответствующих предметов обучения. Надо было довести идею до умов и сердец учеников. Воспитателями учительских семинарий, которые готовили учителей для училищ Министерства народного просвещения, чаще всего были местные жители («тутейшие»), которые учили любить и уважать культуру и историю родного края, и далеко не всегда идеи, какие обязаны были нести ученикам, были по нраву местному учебному начальству. [4, с. 82–83]. Этот момент «местного патриотизма» среди выпускников учительских семинарий отмечали ученые-педагоги А.И. Цвикевич, Я.А. Лесик и другие деятели национально-культурного возрождения Беларуси. Что же касалось ставки М.Н. Муравьева и его соратников на семинаристов из внутренних российских губерний, приглашенных на работу в Беларусь, то это не принесло желаемых существенных перемен.

С приходом на престол Александра III и заменой Д.А. Толстого К.П. Победоносцевым изменилось отношение и к церковно-приходским школам (далее – ЦПШ). С начала 80-х годов началось восстановление позиций ЦПШ. За 10 лет после принятия «Правил о церковноприходских школах» от 13 июня 1884 г. их количество увеличилось в Литовской епархии почти в 100 раз, Минской – в 7, Могилевской – в 30 раз. Расширение церковных школ в белорусских губерниях шло более интенсивно, чем во всех других губерниях России. Особенностью церковно-школьного строительства в Беларуси было то, что с г. в Литовской епархии насчитывалось 1399 церковных школ, в том числе 139 церковно-приходских школ и 1260 школ грамоты; Минской – 172 и 1144; Могилевской – 311 и 1271; Полоцкой – 143 и 476 соответственно [4, с. 83].

В соответствии с «Правилами о школах грамоты» от 4 мая 1891 г. школы передавались в распоряжение церковного ведомства. После обследования их состояния было проведено разграничение ЦПШ и школ грамоты. Более благоустроенные школы грамоты зачислялись в церковно-приходские школы, а некоторые закрывались. Разграничение было вызвано и тем, что многие школы прекращали свою деятельность из-за отсутствия подготовленных учителей и нежелания крестьян посылать туда своих детей [1, с. 245]. Священник Л. Паевский писал в письме к окружному инспектору Виленского учебного округа В.П. Кулину 15 марта 1887 г. о неудовлетворительном состоянии деревенских народных школ и надеялся, что их объединение с церковно-

прыхадскімі школамі «прынесет в будучем большую пользу просвещению западнорусса в духе родной веры и языка» [9, с. 444].

Ускоренный рост школ грамоты по сравнению с ЦПШ объяснялся как бедностью белорусских крестьян, так и отсутствием необходимых средств на народное просвещение у деревенских священников. Небольшие школы грамоты, которые не требовали от крестьян значительных денежных и материальных затрат, лучше воспринимались. Духовенство также считало, что при высоком уровне неграмотности белорусского крестьянства всякая школа – это уже шаг вперед в деле народного просвещения в Северо-Западном крае.

В 80-е гг. – начале 1890-х гг., по словам заместителя попечителя Виленского учебного округа (далее ВУО) А.В. Белецкого, «польскость» развернула жестокую борьбу против русской начальной школы. В этой связи попечитель ВУО Н.А. Сергиевский принял ряд мер по укреплению позиций русской начальной школы. Попечитель выступил против распоряжений Министерства народного просвещения о разрешении лицам польского происхождения открывать в крае частные учебные заведения (от 21 января 1881 г.) и принимать в Виленский учительский институт за счет казны лиц польского происхождения католического вероисповедания (от 25 декабря 1881 г.), о покровительстве домашнему обучению грамоте среди сельского населения лицам, которые не имеют учительского звания, принятого в феврале 1882 г. И добился отмены этих документов. По ходатайству Сергиевского 7 февраля 1892 г. был издан указ Александра III о признании русского языка обязательным языком преподавания Закона Божьего римско-католического вероисповедания в начальных училищах (3, с. 10, 12–12).

Период активного насаждения церковных школ в Беларуси охватывает 1884–1905 гг. «Положением о церковных школах ведомства православного вероисповедания» от 1 апреля 1902 г. роль церкви в развитии начального образования усиливалась. Наибольшего развития сеть школ церковного ведомства на Беларуси достигла к 1905 г. Так на 1 января 1905 г. в белорусских губерниях функционировало 4990 церковных школ (1217 церковно-приходских школ и 3773 школ грамоты) со 156812 учащимися. Из них двухклассные (с 4–5-летним обучением) было только 26 школ, остальные – одноклассные с трехлетним обучением. С 1906 г. в результате широкой неудовлетворенности населения школами церковного ведомства, их количество стало сокращаться. На 1 января 1908 г. было 4027 церковных школ со 143670 учащимися. На 1 января 1914 г. оставалось 2813 школ (2346 ЦПШ и 467 школы грамоты) со 136900 учащимися (1, с. 374; 16, с. 329).

Сокращение количества ЦПШ произошло за счет примитивных школ грамоты, количество которых уменьшилось с 1905 по 1914 гг. более чем в 8 раз. Сравнение количества учащихся в министерских и церковных школах показывает, что, если в 1905 г. в первых было на 50 тыс. учеников меньше, то в 1914 г. на 167 тыс. более (перевес в 2,5 раза), чем в синодальных школах.

Галоўнай прычынай рэзкага падзення колькасці царкоўных школ і ўчащихся в них следует считать низкий уровень учебно-воспитательной работы. Так, в рапорте моголевского губернатора от 23 сентября 1903 г. отмечалось: «только училища Министерства народного просвещения можно считать рассадниками начального образования, ведь школы грамоты никакой пользы не несут, а церковноприходские школы грамоты поставлены весьма неудовлетворительно» [5, с. 264]. В большинстве из них использовались неэффективные, устаревшие методы обучения (диктанты, буквослогательный способ обучения письму и чтению, зубрение старославянских текстов и молитв), использовалось физическое наказание. А в школах грамоты за одну-две зимы большинство детей успевало усвоить даже навыки чтения.

Образовательная политика правительства в деле просвещения и деятельность управления (ВУО) округа были направлены на то, чтобы в губерниях с преобладанием православного населения – Витебской, Моголевской, Минской – расширять школы царкоўнаго ведамства. А развіццё сеткі пачальных школ Міністэрства народнага просвешчання, па меру гледжання попечіцеля (ВУО), неабходна было сконцэнтравіць у Гродненскай, Віленскай і Ковенскай губерніях, у якіх большасць насельніцтва адмаўлялася ад праваслаўных царкоўных школ ужо ў 1904 г. [1, с. 338].

Неудовольство родителей и общества официальной школьной политикой стало причиной широкого распространения в Беларуси «тайного обучения». «Тайные» неправославные школы возникали в деревнях и поместьях и действовали, как правило, недолго. Например, в 1877 г. «тайные» школы были открыты в 126 местечках. К 1881 г. на территории Виленского учебного округа было выявлено 144 «тайные» школы [3, с. 11]. Однако к концу 1878 г. большинство из них было уже закрыто [1, с. 306]. Но были и исключения. Так, тайная школа в деревне Стрельцы Гродненского уезда существовала с 1893 по 1899 г. [17, с. 95]. В начале XX в. в Беларуси сложились две разновидности «тайных школ»: русско-белорусские, где обучение велось на русском и белорусском языках, и польские, распространенные в западных уездах [1, с. 350–351]. Согласно некоторым источникам, чисто белорусских тайных школ было невелико из-за отсутствия необходимых средств для их содержания у белорусских крестьян [10].

Среди тайных школ преобладали польские католические, количество которых быстро росло. Преимущественное большинство католиков не желало отдавать своих детей в русские школы, особенно когда Закон Божий излагал православный священник. Но небольшая часть белорусских крестьян-католиков все-таки направляла своих детей учиться в православные школы. В 1894 г. в Минской епархии среди учеников церковно-приходских школ и школ грамоты учащиеся-католики составляли 2,1 % [4, с. 91].

3 апреля 1892 г. Александр III утвердил «Временные правила о наказаниях за тайное обучение в губерниях: Виленской, Ковенской,

Гродненскай, Мінскай, Віцебскай, Могілеўскай, Подольскай і Волянскай», якія прадугаварвалі строгія накіраванні штрафам у 300 рублёў альбо арышт на 3 месяцы для асновацеляў школ і ўсех тых, хто садзействаваў іх стварэнню [14, с. 177].

На гэтым факце заастроіў сваё ўважанне віленскі епіскап С. Зверовіч. У чэрвені 1899 г. ён абраціўся да міністра ўнутраных спраў Горемыкіну з патрабаваннем змяніць «ненармальнае становішча» рэлігійнага выхавання ў народных училишчах і царкоўных школах, дзе вучні-католікаў змусілі моляцца па праваслаўнаму абраду. Епіскап патрабаваў прадставіць усім пачатковым школам падручнікі для католікаў, дазволіць вучням свабодна наведаць кастёл і ўвесці ў кожнай пачатковай школе прастола каталіцкага законаўчыцеля. Аднак абрацэнне епіскапа асталася безрэзультатным [17, с. 95]. А 12 лютага 1902 г. быў выдадзены циркуляр, забараняючы католікам пасылать сваіх дзяцей у царкоўна-прыходскія школы і школы грамоты. У выніку тысячы каталіцкіх вучні пакінулі гэтыя школы. Расплатай за дэмарш было вызваленне віленскага епіскапа ад павіннасці і адпраўка за межы краю. Разам з тым міністр ўнутраных спраў К.В. Плеве прызнаў, што С. Зверовіч павольна стаў ахвярай памылковай палітыкі мясцовых уладаў [17, с. 96].

На вельмі напружаным становішчы ў нацыянальна-рэлігійным адносінах у краі абрацалі ўважанне імператара віленскі губернатар П.Д. Святополк-Мірскі ў сваім «Усепадданейшым адчэце». Святополк-Мірскі абраціўся да Міністра народнага просвешчання з ходатайствам аб постановцы ксендзов-законаўчыцеляў на дзяржаўнае дзянішнае ўтрыманне. С чэрвеня 1904 г. ксендзы, выкладаўшы Закон Божы ў народных училишчах, сталі атрымліваць грошы ад дзяржавы. Князь знізіў штрафы за адкрыццё і ўтрыманне тайных школ [17, с. 97–98]. Аднак значальных змяненняў у канфесійна-просветельскай палітыцы і ў просвешчанні не адбылося.

Пад уплывам рэвалюцыі 1905–1907 гг. колькасць тайных школ значна павялічылася. Гэта паслужыла падставай для з'яўлення Указа Ніколая ІІ ад 24 жніўня 1906 г. аб адмене правіла ад 3 красавіка 1892 г. аб накіраванні за «тайнае» адукацыю. Аднак гэта была толькі частковыя мера. Пытанне аб дазволі функцыянавання школ не было вырашана, што стварала аснову для далейшага развіцця тайных школ, якія заставаліся адзіным спосабам атрымання адукацыі на роднай мове для шырокіх колаў насельніцтва. Немала дзеяцеляў беларускага адраджэння прайшоў праз гэтыя школы, у тым ліку пісьнікі, педагогі, дзеяцы просвешчання і культуры Я. Купала, П. Меделка, Ядвігін ІІІ і др.

Пасля прыняцця 17 красавіка 1905 г. «Іменнага Высочайшага Указа Правіцельствуючэму Сэнату», атрымаўшага шырокую вядомасць як маніфэста аб веротэрпнасці, і дазволіўшага ксендзам карыстацца ў богаслужэнні польскай мовай каталіцкае насельніцтва беларуска-літоўскіх губерняў вярнула ўважанне. Падставай сталі відавочныя імкненні

правительства через школу оттолкнуть католиков от костела и приобщить их к православию. Эта мысль была высказана виленским генерал-губернатором А.Г. Бусыгиным в письме от 27 июня 1905 г. Наиболее желательным решением проблемы он считал договоренность с римской курией «по вопросу о белорусском языке в богослужении» [15, с. 60]. Так в разгар революции 1905–1907 гг. украинский и белорусский языки стали для правительственных кругов «более желательными», чем польский.

В феврале 1905 г. съезд церковно-приходских деятелей Полоцкой епархии принял весьма прогрессивное решение: в целях распространения православия ввести преподавание Закона Божьего в «инородческих» школах до начала ознакомления с русским языком на родном языке местного населения [18, с. 30–33, 49]. Белорусская газета «Наша нива», поддерживая такое решение Полоцкой епархии, в январе 1907 г. сообщала, что Ватикан разослал указания всем епископам в России о ведении ксендзами богослужения на том языке, на каком прихожане разговаривают между собой. Из этого вытекало, что белорусы, литовцы, украинцы католического вероисповедания получили возможность слушать проповеди на родном языке. Газета высказывала надежду, что теперь «простой язык» получит те же права в костеле, что и барский [2]. Однако, в этот период белорусский язык, не будучи поддерживаемый экономически, не прижился ни в костеле, ни в церкви, ни в школе.

Между тем косметические меры конфессионально-образовательного характера продолжали приниматься. Распоряжением Министерства народного просвещения от 7 февраля 1906 г. лица лютеранского вероисповедания допускались на общих основаниях к педагогической деятельности в начальных училищах [11, с. 131]. Согласно распоряжению Министерства народного просвещения от 15 ноября 1911 г. вводилась 20 % надбавка к жалованью законоучителям римско-католического вероисповедания в мужских гимназиях и реальных училищах [12, с. 59]. Распоряжением Министерства народного просвещения от 5 декабря 1914 г. лица других христианских вероисповеданий, которые желали получить звание учителя народных училищ, освобождались от экзамена по церковно-славянскому языку [13, с. 129].

Руководство Виленского учебного округа проводя правительственный курс по располычиванию края, видело и обратную сторону результата этого процесса – игнорирование образовательных нужд православного населения. На это обратил внимание в 1907 г инспектор управления Виленского учебного округа, известный в России педагог-методист и деятель начального образования В.А. Флеров в журнале «Народное образование в Виленском учебном округе». Опираясь на материалы переписи 1897 г., он сравнил письменность белорусов-православных и белорусов-католиков и пришел к печальному итогу. Например, письменность населения Гродненской губернии (в уездах без городов) по основным этно-национальным группам составляла: белорусов-православных – 17,7 %; белорусов-католиков – 34,6 %; поляков –

40 %; евреїв – 42,4 %. По Мінскай губерніі адпаведна: 9,2 %; 21 %; 37,5 %; 38 %; по Могілеўскай губерніі адпаведна (без евреїв): 10,5 %; 21 %; 45 %. В Сенненскім уездзе пісьменнасць беларусаў-праваславных амаль у 3 разы адставала ўзровень беларусаў-католікаў (7,7 % супраць 22 %) [19, с. 110].

Канстатурую неабходнасць школы для польскага, літоўскага, латышскага і еўрэйскага насельніцтва, ён падкрэўваў, што яна больш за ўсё патрэбна для рускага праваславнага чалавека, які складае аснову рускай дзяржаўнасці ў краі. Умственае і маральнае голодаванне беларускага насельніцтва, яго цемнота і неграмотнасць павінны быць кампенсаваны, па яго меркаванні, справай усеагульнага адукацыі ў беларуска-літоўскіх губерніях [19, с. 110–111].

Такім чынам, канфесійна-спэцыяльную сферу ў адукацыі і выхаванні педагогічная грамадскасць Беларусі аналізавала дастаткова крытычна. Мажу тым стержень канфесійных устремлений ураўдства – ўмацаванне кіруючай ролі ў адукацыі за праваславнай царквой – захавалася, нягледзячы ні на указ аб веротерпнасці, ні на маніфест 17 кастрычніка 1905 г., ні на рад паследуючых заканадаўчых актаў і циркуляраў па Віленскаму навучальнаму акругу. Слэдуе падкрэўнуць, што канфесійныя колізіі ў сфэры адукацыі прыходзілі на фоне гатовящага ў ураўдстве агульнага плана рэформы народнага адукацыі, прадпалагаўшага ліквідацыю міжведомственай разамненнасці навучальных заведзеньняў. І прыходзячыя супярэчывыя працэсы на тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерніях адноў не спосабавалі ўспеху канфесійнай палітыкі ураўдства, цэлю якой яўлялось пабудаванне сістэмы адукацыі па аднаму плану.

ЛІТАРАТУРА

1. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў, У.С. Пасэ, Г.Р. Сянкевіч і інш. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
2. Беларуская мова ў касцёле // Наша ніва. – 1907. – 13 студзеня. № 2.
3. Белецкі, А. Попечітель Віленскага навучальнага акруга Н.А. Сергіевскі (24 кастрычніка 1869 г. – 25 чуня 1899 г.) / А. Белецкі. – Вільно: Тіп. А.Г. Сыркіна, 1903. – 18 с.
4. Грыгор'ева, В.В. Русіфікацыя насельніцтва Беларусі і канфесійная палітыка (1861–1904) // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX в.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнок, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; пад рэд. У.І. Навіцкага. – Мінск: ВП “Экаперспектыва”, 1998. – С. 58–110.
5. Документы і матэрыялы па історыі Беларусі (1900–1917). – Мінск: Ізд-во АН БССР, 1953. – Т. 3. – 1019 с.
6. Егоров, С.Ф. Неізнанае ў вядомым // Педагогіка. – 2008. – 2. – С. 3–12.
7. Ігнатоўскі, У. Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя / У. Ігнатоўскі. – Мінск: БДВ, 1928. – 251 с.
8. Смолич, І.К. Історыя рускай царквы. 1700–1917 / І.К. Смолич. – Ч. 2. – М., Ізд-во Спасо-Преобр. Валаамскага манастыра, 1997. – 799 с.
9. Корнілов, І.П. Русскае справа ў Севера-Западнам краі: Матэрыялы історыі Віленскага навучальнага акруга прымусна ў Мурав'евскую эпоху / І.П. Корнілов. – СПб.: Тіп. А.Суворіна, 1908. – Вып. 1. – XXVIII. – 504 с.

10. Лёсік, Я. Культурны стан Беларусі к моманту Лютаўскай рэвалюцыі / Я. Лёсік // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэв. руху. – Мінск, 1924. – С. 100–118.
11. Медведков, А.П. Краткая история русской педагогики в культурно-историческом освещении для самообразования и специально-педагогического характера школы / А.П. Медведков. – СПб.: Изд. Я. Башмакова, 1916. – 248 с.
12. Министерское распоряжение «О размере 20% добавочного жалованья законоучителям римско-католического исповедания в мужских гимназиях и реальных училищах» от 15 ноября 1911 г. за № 13607 // Циркуляр по Вилен. учеб. округу. – 1912. – № 1. – С. 59.
13. Министерское распоряжение «Об освобождении лиц инославных исповеданий, подвергающихся испытанию на звание учителя начального училища, от экзамена по церковно-славянскому языку» от 5 декабря 1914 г. за № 56289 // Циркуляр по Вилен. учеб. округу. – 1915. – № 2. – С. 129.
14. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі; пад рэд. С.А. Умрэйка, Г.Р. Сянкевіч, У.К. Андрэенка, П.С. Сонцаў. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 621 с.
15. Кулешов, С.В. Национальная политика России: история и современность / С.В. Кулешов, Д.А. Аманжолова, О.В. Волобуев. – М. Информ.-изд. Агенство «Рус. Мир», 1997. – 648 с.
16. Пагашчанін, С. Старабеларуская вясковая школа канца XIX стагоддзя: Успаміны / С. Пагашчанін // Крывіч. – 1923. – № 1. – С. 26–31.
17. Снапковская, С.В. Просвещение в контексте истории и культуры Беларуси / С.В. Снапковская. – М., 2012. – С. 348 с.
18. Труды I съезда церковно-школьных деятелей Полоцкой епархии. – Витебск: Типолит. Насл. Неймана, 1905. – 54 с.
19. Флеров, В. О введении всеобщего обучения / В.О. Флеров // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1907. – № 3. – С. 104–111.